

A woman with long brown hair in a braid, wearing an ornate golden crown and a dark, ruffled historical dress, is shown in profile. She is holding a lit candle in a golden holder. The background is a grand, dimly lit cathedral with high arches and other figures in the distance.

Сергей Патрушев

**Пачка
Сигарет**

Сергей Патрушев
Пачка Сигарет

«Автор»

2026

Патрушев С.

Пачка Сигарет / С. Патрушев — «Автор», 2026

Пачка сигарет — мрачный исторический детектив, пропитанный дымом, сыростью и тайнами вымышленного королевства, где за каждую правду платят кровью. Алиса, дочь разорившегося купца, давно привыкла к жизни в беднейшем квартале столицы. Днём она лечит тех, кому нечем платить, ночью ведёт учёт долгов, которые бедняки отдают ей последним куском хлеба. Она не верит ни в корону, ни в церковь, ни в справедливость, но однажды её хватают королевские гвардейцы и приводят в тронный зал, где пахнет редкими имперскими сигаретами и страхом. Наследный принц убит. Зарезан в запертой изнутри спальне. Рядом с телом — смятая пачка дорогих сигарет, которых принц никогда не курил. У Алисы есть четырнадцать дней, чтобы найти убийцу, иначе казнят не только её, но и всех, кто хоть раз переступал порог её дома. В напарники ей навязывают Сергея — следователя с феноменальной памятью и репутацией палача. Ему приказано следить за ней. Ей приказано не сбежать.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приказ Его Величества	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Патрушев

Пачка Сигарет

Глава 1. Приказ Его Величества

Дождь в Нижнем городе не заканчивался никогда. Он то стихал до мерзкой, въедливой мороси, проникавшей под одежду и оседавшей на коже липкой испариной, то обрушивался косыми струями, превращая и без того узкие, стиснутые покосившимися домами улочки в русла зловонных ручьев, бурливших между булыжниками. Вода стекала по замшелым стенам, вымывала из сточных канав отбросы, размокшие тряпки, рыбы потроха и несла все это вниз, к реке, где грузные баржи торговцев рыбой и кожей покачивались на свинцовой воде, уткнувшись носами в деревянные причалы.

Алиса шла быстро, придерживая капюшон, низко надвинутый на лоб, чтобы дождь не заливал глаза. Плащ из грубой шерсти, пропитанный воском и не раз чиненный собственными руками, стал тяжелым от влаги, давил на плечи, но исправно сохранял остатки тепла. Подол юбки, темный от налипшей грязи, облепил щиколотки, а промокшие насквозь башмаки чавкали при каждом шаге. Она привыкла к этому. Нижний город не прощал чистоты, не прощал слабости и не прощал тех, кто позволял себе слишком долго задерживаться на одном месте.

Её дом — три кривые комнаты над бывшей лавкой, где еще при отце пахло сушеными травами, восточными пряностями и дорогим пергаментом, где полки ломились от склянок с настойками, а за прилавком всегда стоял кто-то из приказчиков, отвешивавший поклоны каждому покупателю, — этот дом теперь стоял в тупике Мясницкого переулка, прижатый с двух сторон кособокими халупами, в которых ютились семьи вдов, пьяниц и мелких ремесленников, перебивавшихся случайными заработками. Вывеску с изображением пестика и ступки давно сняли, и на выпцветшей стене остался лишь бледный силуэт — призрак былого достатка, напоминовение о временах, когда фамилия Алисы значила что-то в торговых кругах столицы.

Теперь о том, что здесь живет знахарка, знали только свои, из квартала, — те, кто приходил с младенцами, метавшимися в лихорадке, с гноящимися ранами, с переломами, вправленными неумелыми руками, с болезнями, названий которых не знал ни один городской лекарь из Верхнего города. И те, кто должен. Алиса вела строгий учет. Долговые расписки, написанные корявыми подписями или отмеченные просто крестиками, лежали в железной шкатулке, спрятанной под половицей в спальне. Она знала каждого должника по имени, помнила сумму, срок и причину, по которой человек пришел за деньгами.

Кто-то брал на похороны матери, кто-то — на лекарства для ребенка, кто-то — чтобы заплатить городской страже за освобождение сына из долговой ямы. Алиса давала не всем. И не всем прощала просрочки. Но даже те, кто проклинал ее за строгость, приходили снова, потому что больше пойти было некуда. Гильдия ростовщиков не опускалась до таких сумм, а уличные менялы драли три шкуры, не стесняясь ни старости, ни нищеты. Алиса была единственной, кто сочетал в себе знахарку, ростовщика и утешителя — странный, противоестественный союз, за который одни ее уважали, другие ненавидели, а третьи попросту боялись.

Она свернула в переулок, перешагнула через лужу, отражавшую серый кусок неба, разрезанный пополам черной веткой давно умершего дерева, и уже потянулась к щеколде, нащупывая в кармане ключ, как дверь распахнулась сама. Вернее, ее толкнули изнутри, резко, с силой, так что она ударилась о стену и едва не сорвалась с петель. Алиса отшатнулась, но за спиной уже выросли две тени, отрезавшие путь к отступлению.

Перед ней стоял гвардеец. Высокий, плечистый, закованный в кожаный доспех с металлическими вставками на груди и плечах. В тусклом свете угадывалась эмблема королевского

дома — вышитый золотой нитью олень, рога которого казались ветвями мертвого дерева, распростертыми над алой звездой.

Мужчина был немолод, на висках серебрилась седина, но держался он прямо, как штырь, вбитый в камень. Лицо, изрезанное глубокими складками, выражало скупающее превосходство человека, уверенного в своей безнаказанности. От него веяло сытым теплом, запахом металла, смазанной кожи и чего-то сладковатого, приторного — то ли благовоний, то ли болезни, то ли того и другого сразу. Алиса невольно отступила на полшага, но сзади уже сомкнулись двое. Один грубо ухватил ее за локоть, выкручивая руку за спину с такой силой, что перед глазами вспыхнули белые пятна. Она не вскрикнула. Только стиснула зубы, чувствуя, как чужие пальцы продавливают грубую ткань плаща и рукава до синяка, который теперь не сойдет неделю.

— Знахарка Алиса, дочь Эдварда-купца? — Голос гвардейца прозвучал ровно, почти лениво, будто он спрашивал о погоде, а не о человеке, которого только что выволокли из собственного дома. — Или как вас там теперь называют... Алиса, что лечит и дает в долг?

— В чем дело? — Она заставила себя говорить спокойно, хотя сердце уже колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание. Мысли метались, как перепуганные крысы в клетке. Долги? Доносы? Кто-то из тех, кому она отказала в отсрочке, настучал в городскую стражу о ростовщичестве без лицензии? Или хуже — о том, что она держит в подвале золото, принадлежавшее когда-то отцу, и не платит с него налог в королевскую казну? Или кто-то умер от ее трав, и родственники обвинили в отравлении? Или... нет, это не стража. Это королевские гвардейцы. Они не спускаются в Нижний город за мелкими правонарушителями. Для этого есть городская стража, продажная и неповоротливая. А эти, с золотыми оленями на груди, — птицы иного полета. Они не интересуются долговыми расписками и нелегальной торговлей снадобьями. Им нужно что-то серьезное. Слишком серьезное.

— Идти. С нами. — Гвардеец не удостоил ее ответом. Второй подтолкнул в спину, и Алиса едва не упала, споткнувшись о порог собственного дома, — та самая щербатая доска, о которую она сама сто раз спотыкалась, теперь казалась врагом, подставившим подножку в самый неподходящий момент. Она удержалась на ногах, но один башмак слетел и остался лежать в грязи, как маленький черный зверек, брошенный на произвол судьбы.

— Дайте закрыть дверь, — попросила она, обернувшись, — в голосе против воли прорезались нотки отчаяния. — Там травы... и дети из соседнего дома должны принести...

— Принесут без тебя, — оборвал первый. Его пальцы сомкнулись на ее запястье, как кандалы, и теперь боль была постоянной, ноющей, расплывавшейся вверх по руке до самого плеча. — Его Величество ждать не любит.

Его Величество. Эти слова ударили сильнее, чем пощечина, сильнее, чем удар кулаком в солнечное сплетение. Алиса перестала сопротивляться. Ее вели по размокшим улицам Нижнего города, и редкие прохожие, попадавшиеся навстречу, шарахались в стороны, вжимаясь в стены, пряча глаза, крестясь украдкой.

Кто-то, кажется, прошептал молитву. Еще бы — королевские гвардейцы не спускались сюда без причины. И если уж спускались, то уводили с собой кого-то, кто, как правило, не возвращался. Или возвращался через неделю-другую изуродованным до неузнаваемости, с выжженным клеймом на лбу и пустыми глазами, в которых не оставалось ничего человеческого. Алиса видела таких. Лечила их, если хватало духу, и отводила взгляд, если не хватало.

Они шли долго, сначала по лабиринту переулков, где дома нависали над головой, смыкаясь верхними этажами так, что неба почти не было видно, лишь серая щель, сочившаяся дождем. Затем — мимо запертых на ночь лавок, мимо мясных рядов с крючьями, с которых днем свисали бараньи туши, а теперь капала вода, собираясь в темные лужи с радужной пленкой.

Потом — по каменному мосту, под которым грохотала разбухшая от дождей река, бившаяся о быки с такой силой, что казалось, сам мост дрожит под ногами. Алиса знала дорогу. Этот путь вел к Верхнему городу, к королевскому замку, чьи башни, терявшиеся в дымке, она видела каждый день с высоких точек Нижнего города, но никогда не приближалась к ним. Теперь башни росли, давили, и их черные шпили, словно гвозди, вбитые в низкое небо, отнимали последние крохи надежды.

Алиса вспомнила, как в детстве отец брал ее на ярмарку в Верхний город, и она, задржав голову, смотрела на замок с восторгом, думая, что там живут сказочные принцы и добрые короли. Детские глупости. Теперь она смотрела на эти стены и видела клетку.

Внутри замка было еще холоднее, чем снаружи. Камень, пропитанный веками сырости, дышал в лицо могильным холодом, проникавшим сквозь промокшую одежду до самых костей. Факелы на стенах чадили, и дым слоился под высокими сводами, смешиваясь с запахом мокрой шерсти, старого дерева, застоявшейся воды и чего-то третьего — едкого, пряного, щекочущего ноздри, проникавшего в горло и оседавшего на языке горьковатым привкусом. Алиса узнала этот запах не сразу, а узнав — удивилась.

Табак. Редкий, драгоценный, привозимый с далеких имперских земель, где солнце палило так, что кожа слезала лоскутами, а растения вырастали выше человеческого роста. Отец однажды показывал ей щепотку сухих листьев, купленную за безумные деньги у проезжего имперского купца, — крошечный холмик, источавший дурманящий аромат. «Это для богатых, — сказал он тогда, ссылая листья в серебряную табакерку. — Бедняки курят можжевельник и полынь, а это — для тех, кто хочет забыться».

Здесь, в замке, табаком пахло так, будто он въелся в камень навсегда, пропитал gobелены, шторы, одежду, даже воздух, которым дышали слуги и господа. Алиса подумала, что этот запах, наверное, останется с ней до конца жизни. Если, конечно, жизнь не окажется короче, чем она рассчитывала.

Ее вели не в подземелье, как она ожидала, а вверх, по широкой мраморной лестнице, где каждый шаг отдавался гулким эхом, многократно усиленным высокими сводами. Ступени были стерты тысячами ног, прошедших по ним за столетия, и в этих выбоинах, как в чашах, скапливалась влага. На стенах висели портреты королей — длиннолицых, с тяжелыми подбородками и бледными, водянистыми глазами, одинаково надменных и одинаково мертвых.

Они смотрели на Алису с холстов, и в их взглядах не было ни любопытства, ни осуждения, лишь холодное равнодушие тех, кто давно переступил грань и не собирался возвращаться. Алиса скользнула по ним взглядом, не задерживаясь. Сейчас ее волновало лишь одно: как отсюда выйти. И зачем ее привели. Вопросы, на которые она боялась узнать ответы.

Тронный зал оказался огромен. Высокие стрельчатые окна, затянутые полупрозрачной слюдой, пропускали мало света, и зал тонул в полумраке, разбавленном живыми пятнами факелов и огнем двух каминов, пылавших по обе стороны от трона. Колонны уходили вверх, во мрак, где, по слухам, гнездились летучие мыши и обитали призраки прежних королей, не желавших покидать свои владения даже после смерти.

Алиса успела заметить витраж с изображением оленя, пронзенного стрелой, — герб королевского дома Дарвинов, — прежде чем гвардеец толкнул ее вперед, и она, спотыкаясь, сделала несколько шагов по скользкому полу из черного камня, отполированному до зеркального блеска. Ее босая нога оставила на нем грязный след, и Алиса мысленно поморщилась: вот оно, ее первое преступление перед короной — испачкала дворцовый пол уличной грязью.

— Стой, — раздался голос. Негромкий, но властный, проникавший в самое нутро, как холодная игла. Алиса замерла, уставившись в пол, чувствуя, как по спине стекает струйка дождевой воды, смешанная с потом.

На троне сидел король. В полумраке он казался частью этого зала — такой же каменный, неподвижный, древний. Худое тело тонуло в тяжелой мантии, отороченной мехом чернубурой

лисицы, будто король мерз даже здесь, у каминов, пылавших во всю мощь. Лицо его, изрезанное морщинами, напоминало старую карту, где каждая линия вела к пропасти, а глаза, бледные, как выцветшая бирюза, смотрели сквозь Алису, в какую-то точку за ее спиной, словно ее здесь не было вовсе. Король курил.

В тонких, унизанных перстнями пальцах тлела сигарета — длинная, с золотым мундштуком, оставлявшая за собой струйку белесого дыма, поднимавшуюся к сводчатому потолку и таявшую в темноте. Алиса видела такие сигареты только в юности, когда отец показывал ей богатых купцов, кутивших имперский табак в застекленных оранжереях, среди экзотических растений и фонтанов, журчавших на французский манер. Тогда она думала, что этот запах — запах денег, власти, недостижимой роскоши. Теперь, стоя перед королем, она поняла, что это запах смерти. Медленной, пропитавшей все вокруг, неотвратимой.

— Подойди ближе, — приказал король.

Гвардеец подтолкнул ее в спину. Алиса сделала несколько шагов и остановилась у подножия мраморного возвышения, на котором стоял трон. Король чуть подался вперед. Его лицо, подсвеченное снизу отблеском камина, казалось лицом покойника, на мгновение ожившего, чтобы произнести приговор. Губы, тонкие, бескровные, шевельнулись, выпуская струйку дыма.

— Смотри на меня, знахарка.

Она подняла голову. Страх схлынул, оставив после себя пустоту — холодную, звенящую, как лед на реке в первую зимнюю ночь. Алиса смотрела на короля и видела человека, уставшего настолько, что сама жизнь казалась ему обузой. Человека, потерявшего нечто дороже короны. И от этого становилось еще страшнее: у того, кто потерял все, нет причин щадить других.

— Мой сын мертв, — произнес король, и слова упали в тишину, как камни в колодец, — тяжело, без всплеска, навсегда. — Наследный принц Роберт убит. Зарезан, как боров, в собственной спальне. Три дня назад. Ты уже слышала, знахарка?

— Нет, Ваше Величество. — Алиса не соврала. В Нижнем городе слухи ползли медленно, как грязь по сточной канаве, вязли в лужах, тонули в криках торговцев и плаче нищих. За три дня новость могла дойти только до центральных кварталов, но не дальше. До трущоб она добралась бы через неделю, не раньше. Алиса вдруг поймала себя на мысли, что сейчас, стоя перед королем, она узнает государственную тайну, за которую в иных обстоятельствах отрубили бы голову без суда и следствия.

— Теперь слышишь. — Король затаился. Кончик сигареты вспыхнул оранжевым, и в этом отсвете Алиса заметила, как дрожат его пальцы, как подрагивает жилка на виске, как напряжены желваки на скулах. — И мне нужен тот, кто это сделал. Слышишь? Мне. Нужен. Убийца.

Пауза повисла в воздухе, тягучая, как расплавленный воск, как мед, стекающий по стенке горшка. Алиса молчала. Она все еще не понимала, какое отношение имеет к убийству принца. Знахарка из Нижнего города? Ростовщица без лицензии, у которой за душой ничего, кроме долговых расписок, пучков сухой травы и железной шкатулки с серебром? Почему король смотрит на нее так, будто ждет ответа на вопрос, который еще не прозвучал?

— Каждый день, что убийца на свободе, — продолжил король, выпуская дым изо рта, и дым этот клубился вокруг его лица, скрывая черты, — кажется мне оскорблением. Каждый час. Каждая минута. Я не могу спать. Я не могу есть. Я не могу править. — В его голосе прорезались стальные нотки, острые, как лезвия. — Поэтому я спрашиваю себя: кто во всем королевстве способен найти иголку в стоге сена? Кто умеет видеть то, чего не видят другие? Кто знает улицы, людей, тайны, слухи? Кто умеет задавать вопросы так, чтобы получать ответы?

Король наклонился вперед, и теперь Алиса видела сетку лопнувших сосудов на его бледных щеках, мешки под глазами, глубокие, как рвы, вырытые бессонными ночами, черные точки пор на носу, седую щетину, пробивавшуюся на подбородке. От него пахло табаком, вином и

чем-то аптечным — наверное, настойкой опия, которую прописывали знатым господам от нервного истощения.

— Мне говорили, что ты лечишь бедняков. Что ты знаешь каждого в Нижнем городе. Что ты даешь деньги в рост и всегда получаешь обратно. Что у тебя память, как у дьявола. И что ради денег ты готова пойти на многое.

— Ради денег? — Алиса не удержалась. Слово сорвалось с губ прежде, чем она успела его прогнать. — Я лечила тех, кому нечем платить. И давала в долг тем, кого ни одна гильдия не пустила бы на порог. Если это делает меня дьяволом в чьих-то глазах, пусть. Но я не убийца и не заговорщица.

— Мне нет дела до твоей святости, знахарка, — перебил король. — Мне нужен результат. И ты его обеспечишь.

Он щелкнул пальцами. Звук прозвучал резко, как треск ломаемой ветки, и эхом пронесся по залу. Из тени за колоннами выступил человек. Среднего роста, худощавый, одетый в темное, без знаков отличия, без оружия на виду, без единой детали, за которую мог бы зацепиться взгляд. Движения его были экономны, как у зверя, привыкшего подкрадываться, а не нападать в открытую. Он подошел к трону и встал чуть позади короля, как живая деталь интерьера, как продолжение тени, отбрасываемой тронном. Лицо его — бледное, с резкими чертами и острым подбородком — показалось Алисе странно неподвижным, будто вылепленным из воска.

Глаза, темные, как омут, как вода в заброшенном колодце, смотрели на нее с холодным интересом, и в этом интересе не было ничего человеческого — так смотрят на предмет, который предстоит разобрать на части.

— Это Сергей, — представил король, не оборачиваясь. — Мой лучший следователь. У него есть... талант. Он помнит все. Каждое слово. Каждое лицо. Каждую улику, увиденную хоть раз. Но ему не хватает одного: знания тех мест, куда не ступает нога благородного человека. Твоего знания, Алиса.

— Я не понимаю, — медленно проговорила она, хотя уже начинала понимать. И понимание это ледяной змеей вползало в живот, скручивалось там кольцами, сдавливало внутренности так, что дышать становилось трудно.

— Ты найдешь убийцу, — сказал король. — У тебя две недели. Если через четырнадцать дней убийца не будет стоять передо мной в цепях, я объявлю тебя соучастницей заговора. И не только тебя.

Он сделал паузу, давая словам впитаться, как яду, который убивает не сразу, а постепенно, расплываясь по жилам. В тишине было слышно, как потрескивают дрова в камине, как дождь барабанит по витражам, как где-то далеко, в коридорах, перекликаются стражники и скрипят половицы под чьими-то осторожными шагами.

— Все, кому ты давала в долг. Все, кого ты лечила. Все, кто хоть раз переступал порог твоего дома. Их имена мне известны. — Король выпустил длинную струйку дыма, и она поплыла к Алисе, окутывая ее едким облаком. — Если ты не найдешь убийцу, их казнят. Всех. Медленно. На площади. А ты будешь смотреть. Потом казнят тебя.

Воздух в зале, казалось, застыл. Алиса слышала собственное дыхание — резкое, свистящее, как у загнанного в угол зверя. Во рту пересохло. Язык прилип к нёбу, и она не могла сглотнуть. В мыслях, обычно четких, как бухгалтерская книга, воцарился хаос. Имена. Лица. Старуха Марта с Мясницкого, которой она лечила суставы мазью из корня аира и барсучьего жира, и которая в благодарность приносила ей горячие лепешки.

Слепой Григорий, приходивший за мазью от язв и сидевший у очага часами, рассказывавая истории из своей прошлой жизни. Дети, мелкие воришки, которым она давала медяки за то, что бегали с поручениями. Вдова Кейт, беременная третьим ребенком, взявшая в долг на погребение мужа. Мясник Томас, чья дочь болела оспой и выжила только благодаря Алисиным

настоялкам. Все они — заложники. Все они — приговоренные, если она откажется. Все они — ее вина.

— Это несправедливо, — прошептала Алиса, но голос прозвучал так тихо, что она сама едва услышала.

— Справедливость — это то, что я решаю, — отрезал король. — Ты пойдешь. Или умрешь. Выбирай.

Она не выбирала. Выбора не было. Алиса сглотнула и молча кивнула. Король откинулся на спинку трона, удовлетворенно прикрыв глаза. Сигарета в его пальцах погасла, но он, кажется, этого не заметил. Пепел упал на мантию, оставив серое пятно, и Алиса почему-то задержалась на этом взгляде — маленькая небрежность, крошечная трещина в образе всемогущего монарха.

— Ресурсы королевства в твоем распоряжении, — добавил он, не глядя на нее. — Люди, деньги, бумаги. Сергей будет сопровождать тебя. И следить, чтобы ты не сбежала. У него также есть право применять любые меры, которые сочтет нужными для ускорения расследования. Любые.

Последнее слово упало в тишину, как гильотина. Алиса перевела взгляд на следователя. Сергей чуть наклонил голову, и на его бесцветных губах промелькнула тень улыбки. Ни тепла, ни угрозы. Лишь холодное, отстраненное любопытство. Так смотрят на муху, попавшую в паутину, — не со злорадством, а с научным интересом: как она будет трепыхаться, сколько продержится, когда сдастся.

— Подойди ближе, — сказал он. Голос у него был тихий, но удивительно ясный, как звон клинка, извлекаемого из ножен, — звук, который невозможно не услышать, даже в шуме битвы. Алиса не двинулась. Сергей сам шагнул к ней, легко и бесшумно, будто скользя над каменными плитами, не касаясь их. Остановился на расстоянии вытянутой руки. Достал из внутреннего кармана сложенный пергамент.

— Здесь описание места преступления, показания слуг, список тех, кто входил и выходил из покоев принца за последние десять дней. — Он говорил ровно, без эмоций, словно зачитывая текст из невидимой книги, — каждое слово отскакивало от зубов, как ледяная дробь. — Имена всех, кто служил в северном крыле замка, включая конюхов, поваров и прачек. Тридцать четыре человека. Имена членов городской знати, имевших доступ во дворец. Двести восемьдесят один человек. Имена всех известных торговцев ядами и редкими травами в столице и окрестностях. Сорок шесть человек. Я уже опросил...

— Помолчи, — оборвала Алиса.

Сергей замолчал. Но не от неожиданности — скорее от удивления, тщательно скрытого за непроницаемой маской. Его темные глаза на мгновение вспыхнули, как угли, на которые подули, и снова погасли. Алиса смотрела не на него, а на короля.

— Ваше Величество, — сказала она, и голос ее, к собственному удивлению, прозвучал твердо, без дрожи, без той паники, что бушевала внутри. — Я найду убийцу. Но есть условия.

Король приподнял бровь. В зале кто-то ахнул — кажется, гвардеец у дверей, не сдержавший изумления при виде того, как нищая знахарка смеет торговаться с королем. Сергей остался неподвижен, но его пальцы, державшие пергамент, чуть сжались, смяв край документа.

— Условия? — переспросил король. — Ты, кажется, не поняла...

— Я поняла, что меня казнят, если не найду. — Алиса расправила плечи, хотя каждое движение отдавалось болью в выкрученной руке. — Но если найду, я хочу письменную гарантию, подписанную вашей рукой и скрепленную печатью, что мои должники и те, кого я лечила, не будут преследоваться. Ни сейчас, ни после.

Король молчал. Дым от погасшей сигареты тонкой струйкой поднимался вверх, и в этом дыме, казалось, повисало будущее — туманное, зыбкое, готовое рассеяться в любую секунду.

— И второе, — продолжила Алиса. — Если убийца — человек высокого положения, вы все равно казните его. Публично. Не тайно.

В зале повисла звенящая тишина. Даже дождь, казалось, затих, прислушиваясь. Даже пламя в каминах замерло, перестало колыхаться. Сергей смотрел на Алису с новым выражением — настороженным, почти хищным, как зверь, почуявший в жертве нечто неожиданное, непредсказуемое. Король медленно перевел взгляд с Алисы на следователя, потом снова на Алису. В его бледных глазах читалось что-то похожее на удовлетворение, смешанное с презрением.

— Ты смела, — сказал он наконец. — Или глупа. Время покажет. Бумаги получишь. А теперь — убирайся. Сергей, отведи ее. И объясни, что от нее требуется.

Алиса не поклонилась. Она просто развернулась и пошла к дверям, ощущая спиной взгляд короля — тяжелый, как могильная плита. Выйдя в коридор, она прислонилась к стене. Перед глазамиплыли круги, стены раскачивались, как палуба корабля в шторм. Сердце билось так, что его, наверное, было слышно на лестнице. Четырнадцать дней. Четырнадцать дней, чтобы найти человека, убившего наследного принца. И не просто найти — а сделать это под пристальным надзором человека, о котором в городе говорили шепотом. Сергей-палач. Сергей-мнемон. Человек, который никогда не забывает и никогда не прощает. Человек, чье имя произносили с тем же суеверным страхом, с каким поминали чуму.

— Успокойся. — Голос Сергея прозвучал совсем рядом. Он стоял в двух шагах, не приближаясь, как будто знал, что любое прикосновение сейчас разорвет тонкую нить ее самообладания. — Если будет обморок, я приведу тебя в чувство пощечиной. Лучше не надо.

Алиса отлипла от стены и выпрямилась. Колени дрожали, но она заставила себя стоять. Перед глазами все еще плыло, но она смотрела на Сергея прямо, стараясь не моргать.

— Ты расскажешь мне все, что знаешь, — сказала она. — О принце, о том, как его нашли, о ранах, о времени, о комнате, о всех, кто был в замке в ночь убийства. Но не здесь. У меня дома.

Сергей усмехнулся — одними уголками губ, едва заметно, как будто сама идея показалась ему забавной.

— Твой дом опечатан королевскими гвардейцами. Считаю, что его больше нет. Комнаты нам выделяют здесь, в северном крыле. Там же находится спальня принца. Можешь осмотреть место преступления немедленно, если не боишься вида крови.

— Я знахарка, — ответила Алиса. — Крови я не боюсь.

Она направилась вниз по лестнице, не глядя на Сергея. Тот последовал за ней, как тень — бесшумно, неотступно, на расстоянии двух шагов, ровно настолько, чтобы она чувствовала его присутствие каждым позвонком. В каменных переходах замка пахло сыростью, дымом и табаком. Этот запах теперь будет преследовать ее повсюду, она знала. Как и человек, шагающий позади.

— Принц Роберт, — заговорил Сергей, когда они вышли во внутренний двор. Дождь здесь не хлестал, а висел в воздухе мелкой пылью, оседая на каменных плитах, на кованых фонарях, на чешуйчатых крышах башен. — Ему было двадцать шесть лет. Рост шесть футов и два дюйма, темные волосы, глаза карие, на правой руке шрам от ожога — упал на жаровню в детстве. Любил астрономию, вино, охоту и женщин. Но последние два месяца жил затворником. Говорил, что боится. Кого — не сказал.

— Боится? — Алиса ускорила шаг, стараясь не смотреть на приземистую башню, возвышавшуюся над внутренним двором. — Наследный принц боялся кого-то и не сказал, кого?

— Именно так. — Сергей говорил так же ровно, как и в тронном зале, но теперь в его голосе прорезалась едва уловимая нотка — не то злость, не то азарт, не то странная смесь того и другого. — Его нашли в запертой изнутри спальне. Дверь пришлось выбивать. Окно закрыто, задвинуто ставнями и заложено решеткой. Принц лежал на кровати. Руки связаны.

На теле — восемь ножевых ран. Смерть наступила от потери крови за шесть-восемь часов до обнаружения.

— Запертая изнутри комната? — Алиса остановилась. — Это невозможно.

— Невозможное — моя специальность, — отозвался Сергей. — А теперь, кажется, и твоя.

Он обошел ее и направился к двери в северное крыло — приземистой, обитой железными полосами, с кольцом вместо ручки, почерневшим от времени. Алиса смотрела ему в спину и чувствовала, как в груди закипает нечто среднее между отчаянием и злостью. Запертая комната. Связанный принц. Восемь ножевых ран. И человек с феноменальной памятью, который, возможно, уже знает ответ — но не скажет его, пока она сама не докопается. За четырнадцать дней.

Дверь отворилась с протяжным скрипом, и из темноты пахнуло холодом, пылью и слабым, едва уловимым запахом табака, въевшегося в камень. Алиса переступила порог, и дверь с гулким ударом закрылась за ее спиной, отрезав путь назад. Впереди был только мрак, ступени, уходящие вниз, и человек, которого она не знала, но которому теперь должна была доверять, как самой себе. Или не доверять. В любом случае — идти рядом.

Четырнадцать дней. Три часа из них уже прошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.